

Коля-воробей

Владимир Дроздов

- Дроздов Владимир

Дроздов Владимир

Коля-воробей

Владимир Дроздов
КОЛЯ-ВОРОБЕЙ
авт.сб. "Над Миусом"

Редко кому удастся похвастать: мы с третьего класса школы дружим. А я вот могу - именно с тех пор и дружу с Колей. В третьем классе Коля был страшным спорщиком. Я-тоже. Но я любил пофантазировать и отличался склонностью к авантюрам, а Коля всегда трезво смотрел на вещи и особенно недоверчиво относился к моим проектам. Мы ругались и смертельно ссорились по пять раз на день. Однако друг без друга не могли прожить и часу. Особенно летом, когда занятия в школе кончались.

Обычно Коля оказывался утром под нашими окнами гораздо раньше, чем в квартире просыпались взрослые. Стоя на тротуаре, он издавал тихий свист и Принимался помахивать кистями согнутых в локтях рук над плечами.

Туда, сюда... То быстрее, то медленнее... Однажды я спросил, что это означает. Коля не ответил. И позже под разными предложениями уклонялся. Наконец взял с меня клятву: никому не разболтать! И только тогда признался: он тренируется! Ведь если найти подходящий угол наклона кистей рук, может возникнуть вертикальная тяга...

Ну, как у вертолетов или автожиров.

Но хотя Коля так и не нашел необходимый угол наклона, от своей привычки он не отказался. И, благодаря ей, даже сделался дома самым популярным моим другом.

Потому что иногда тихий призывный свист Коли поднимал с постели маму или кого-нибудь из домашних. Они не очень-то разбирались в авиатехнике-будили меня, откровенно потешаясь: "Вставай, вон твой воробей уже машет крылышками!" А Коля и впрямь немного походил на птичку: маленький, худенький, носатый... И кличка Воробей прочно утвердилась за ним.

Однако в довольно хилом теле моего друга жил могучий творческий дух. И когда мне удавалось первым расслышать его сигнал, я хватал булку, запасенную еще с вечера, тихо прошмыгивал через переднюю и, стараясь не клацнуть английским замком, осторожно выбирался па лестничную площадку. Но по лестнице прыгал через две-три ступеньки или просто съезжал по перилам. Конечно, взрослые не знали, что мы с

Колей отправлялись на деревянный склад, где из щепок, столярного клея и бумаги сооружали воздушные змеи, планеры и даже самолеты. Да, да-самолеты! Правда, моторами служили толстые полоски резины, скрученные жгутом. Распрямляясь, эти моторы вращали винт... В те времена еще не существовало дворцов п домов пионеров, авиамодельных кружков, никто нами не руководил... Зато в нашем "конструкторском бюро" счастливо сочеталась творческая мысль с критической. И наши сооружения, напоминавшие больше всего помесь японских этажерок с китайскими фонариками, все-таки летали.

Но вот мы выросли. Коля по окончании института попал на крупный завод-недалеко от Москвы. А я, став к тому времени летчиком-истребителем, был назначен в одну из авиабригад тоже под Москвой. Так, после нескольких лет разлуки, мы с Колей снова оказались почти что соседями. И вскоре нам представился случай повидаться.

Меня назначили в ком-иссию по приему выпускных экзаменов у курсантов аэроклубов. Конечно, я попросился проверять аэроклуб того завода, на котором сменным инженером трудился мой друг. И ноябрьским вечером приехал в их заводской поселок.

Прежде всего я поспешил в аэроклуб. Надо было предупредить, что экзамен будет завтра, и договориться о том, как он будет проходить.

Начальник аэроклуба пригласил меня остановиться у него на квартире. Но мне так хотелось поскорее встретиться с Колей... Я сказал:

- Буду жить у друга.

Однако от поездки в город на аэроклубовской машине не стал отказываться. Ведь шоферу, чтобы завтра утром доставить меня на аэродром, нужно было знать, где живет Коля.

По счастью, мой друг был дома. И конечно, мы с ним проговорили допоздна.

А утром я взлетел с первым курсантом и вдруг явственно ощутил: что-то меня раздражает невыносимо.

Только не сумел сразу сообразить, что именно. Вроде бы курсант делает все правильно, по инструкции. Но как-то скучно. Насилу я догадался: мне скорости не хватает! Мой-то "ишачок" летит в четыре раза быстрее!

А этот несчастный самолетик еле-еле высоту набирает, слишком тихо и плавно разворачивается. И фигуры высшего пилотажа получаются у него какие-то вялые, словно ребенок кашу ленится есть, по тарелке размазывает.

Я, конечно, понимал: нельзя оценивать курсанта по нормам военного летчика-истребителя - несправедливо это будет. И

конечно, постарался войти в положение человека, чья машина летает вчетверо медленнее моей.

И отметки ставил со скидкой на их аэроклубовскую технику. А все-таки раздражение во мне тлело.

И вот кончился короткий ноябрьский денек, отлетал я с курсантами. Инструкторы собрались в кабинете начальника аэроклуба, пригласили и меня туда. Ну, вижу: все они рады, что средний балл у курсантов получился выше четырех, что, таким образом, неплохо оценены и сами воспитатели. Но как на грех, я нечаянно в разговоре возьми да и пожалуйся: мне-истребителю-скучно слишком медленно летать. Конечно, сам чувствую: бестактно у меня вышло им-то все время именно так и приходится. А слово вылетело-назад не вернешь. Пытаюсь поправиться-мол, кто-то из летчиков нашей бригады говорил, будто и на ПО-2 может получиться ранверсман. Если мотор новый и хорошо тянет.

А в аэроклубе и слова такого не слышали-ранверсман. Ну, пришлось объяснять: мол, делаешь полтора витка бочки-вращаешь самолет вокруг его продольной оси в почти вертикальном полете. Только на половине второго витка выходишь в обратную сторону без потери высоты. Эту фигуру французские летчики придумали еще на заре авиации-ее название взято от французского слова *renversement*, то есть опрокидывание.

Тут начальник аэроклуба вдруг спросил меня:

- Хотите завтра проверить это дело в зоне?

Я, конечно, говорю: хочу. А он еще добавил:

- Заодно и своего друга прихватите, устроим ему воздушное крещение.

Гражданская авиация тогда в зачатке находилась.

А на военном самолете покатай кого-нибудь вовсе невозможно. И конечно, Коля мой никогда в воздух не поднимался. Я только беспокоился: освободится ли он завтра пораньше утром? Он смог.

Примерно за час до начала полетов с курсантами мне приготовили самый лучший в аэроклубе самолет-с наиболее сильным мотором. А день выдался солнечный, яркий, но морозный. И хотя Коле подобрали подходящие по размеру комбинезон, шлем, перчатки и бурки, однако не удалось надеть ему на лицо под очки тонкую фетровую маску. Очень уж выдающимся оказался у Коли нос-ни в одну не влезал. Я заранее предупредил его: поглядывай в зеркало, прикрепленное на стойке перед моей кабиной. Если начну щеки тереть - и ты три, не то отморозишь.

Ну, я залез в свою кабину, проверил приборы, рули управления, пристегнулся привязными ремнями и зеркало повернул так, чтобы хорошо было видно Колю. А техник тем временем принялся усаживать моего друга в заднюю кабину. Показывал, куда ставить ногу, как через борт перелезть. Потом пристегнул Колю, стал что-то объяснять. Этого я уже не слышал - пробовал мотор, гонял его на разных режимах. И вот мы взлетели. На аэродроме посмотреть, как приезжий инспектор летает, - собрались, конечно, инструкторы, даже начальник пришел. Я понимал: после своих жалоб должен и на этой тихиходке показать класс. Поэтому не без шика оторвал машину от земли и долго ее выдерживал - не позволял лезть вверх, как она ни просилась. Прямо-таки стриг траву колесами - летел в десяти сантиметрах над землей, пока не довел скорость до максимальной. А тогда... с ходу заложил вместо нормального разворота-боевой, чуть ли не на ребро поставил машину. Ну, мигом набрал высоту и подумал: вот, глядите, как у меня ваша коровушка летает - по-истребительски! А сам - на Колю: не побелели у него щеки? Но он .молодцом -знай себе крутится в кабине во все стороны, еще и за борт высовывается, даром что без маски. Конечно, я не выдержал-спросил по переговорному аппарату:

- Как тебе летается?

Он пробурчал в ответ что-то невнятное, но для ясности подал мне знак рукой - поднял вверх большой палец.

Добрались мы наконец до зоны - высота тысяча двести метров, мороз двенадцать градусов. А Николай мой румяный, веселый, хоть бы ему что. Я опять крикнул в переговорный аппарат:

- Смотри хорошенько, мертвую петлю делаю!

И после, как закончил, спросил:

- Ну, понял, что почему?

Побоялся: не закружится ли у него голова. А он:

- Ну, понял, ну, понравилось, ну, давай дальше!

Однако я заметил: что-то Коля перестал мне большой палец показывать. Я подумал: это правильно, ни к чему нам на языке жестов объясняться, пока переговорный аппарат не замерз. Потому что в сильные морозы бывало: конденсат от дыхания забивал резиновые трубки льдом - приходилось инструктору с курсантом разговаривать при помощи зеркала.

Ну, сделал я несколько простых переворотов через крыло. Вроде бы провел подготовку к ранверсману. Коле, конечно, каждый раз говорил, что за фигуру делаю, спрашивал, как он себя чувствует. И в зеркало за ним следил - не скис ли мой друг?

Наконец взялся я за свой главный фокус. Первый раз сделал - не получилось. Не вытянул мотор машину. Посыпалась она в верхней точке на хвост. Вышел вместо ранверсмана колокол. Но я, конечно, упрям. И так и этак стал пробовать. Однако вижу: ничего не выходит и не выйдет. Повисим мы с Колей немного вверх колесами и опять на хвост съезжаем - слабоват мотор. Возможно, у тех ребят был не сто-, а стодесятисильный? Тогда как раз начали новые М-11 выпускать. Или ребята просто пошутили?

За Колей я Все время смотрел. Он по-прежнему хорошо выглядел: румяный, посмеивается. Только я заметил, что сидит Коля напряженно в одной и той же позе: словно наседка на гнезде. Растопырился весь и уже не крутится туда-сюда, как в начале полета. Ну, думаю, хватит с него для первого раза. Не то вместо удовольствия - отвращение получит. Да и по часам выходит, что пора возвращаться - уже сорок минут летаем.

И только я так подумал, сейчас же из зоны спикировал и пошел на посадку. Но опять не удержался, похвастался своим чисто истребительским шиком - низким подводом, - с ходу притер машину к земле. Понимал: смотрят ведь на меня, оценивают... Да и перед другом. ..

Ну, подрулил я на линию предварительного старта, выключил мотор, выскочил из кабины. А Коля что-то возится, никак не вылезет. Помог я ему выбраться и в нетерпении спрашиваю: понравилось ли? И он отвечает:

да, понравилось. И вдруг вижу: у Коли сзади висит клапан от комбинезона, а пояс, которым этот клапан завязывают, по земле волочится...

Я спросил:

- Ты что это пояс распустил? Живот болит?

- Нет, не болит. Но надо же отстегнуться, когда из кабины вылезашь. Ведь перед полетом пристегивали к сиденью.

Тут у меня внутри все загудело. Но я продолжал попытываться:

- Ты разве ничем другим не был привязан?

- Нет, ничем.

Я замер-отчетливо представил себе: Коля вываливается на ранверсмане из кабины. И ему уже не помочь-без парашютов летаем! Невольно у меня вырвалось:

- Как же ты не выпал, когда мы вверх ногами висели?

Почувствовал ли Коля по топу мою тревогу, растерянность, запоздалый страх? Понял ли, что случилась какая-то грозная ошибка? Не знаю. Он ответил спокойно:

- А я, видишь ли, на всякий случай уперся локтями в борта кабины, так и держался.

Ну, не молодец ли Воробей?! Он-на всякий случай-уперся! Тут уж я догадался, что техник пристегнуть-то пристегнул Колю ремнями к сиденью, а что замок ненароком может открыться, если нечаянно за скобу зацепишь, этого не объяснил. Хотя замок специально так сделан, чтобы летчик мгновенно освобождался от привязных ремней, когда надо быстро покинуть самолет.

Коля же в начале полета все вертелся в кабине и, видно, задел случайно проклятую скобу, только не понял, что летал непривязанным. А я не проследил за тем, как техник усаживал Колю, сам не объяснил коварное устройство замка... Пристыженный, я тихонько промолвил:

- Ты же чудом из самолета не выпал!

И представил, как по своей небрежности мог погубить друга, как меня за это осудили бы... Еще, наверно, и техника, и начальника аэроклуба... Но маленький худенький Коля-Воробей, можно сказать, спас всех нас и себя-локтями уперся! Мне захотелось обнять и расцеловать друга. Только мы в молодости были куда суровее, чем сейчас, - презирали всяческие сантименты. Поэтому я сказал:

- Подтяни пояс, подбери клапан и застегнись.

К нам люди идут, черт знает что подумают!

И сам схватил один конец пояса, помог Коле заправить клапан. После чего еще сердито добавил:

- Да не вздумай им про локти рассказывать, засмеют нас с тобой!

Больше я никогда никого на самолете не катал.

1974